

СЕРГЕЙ ЧЕКМАРЕВ

(Лекция, прочитанная 12.01.93. в Московском обществе слепых членом этого общества Чекмаревым Анатолием Ивановичем.)

Я расскажу вам о моем старшем брате, комсомольском поэте Сергее Чекмарёве. Начну с того, что судьба его творчества необычна.

Первая необычность состоит в том, что, хотя он, совсем молодым, 23-х лет, погиб в 1933 году, его книга в первый раз вышла в 1957 году, или спустя 24 года после его смерти, а еще через 20 лет ему было присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола. За этот период времени его книга переиздавалась еще 4 раза и каждый раз быстро раскупалась. Было проведено несколько телевизионных и радиопередач о Сергее Чекмарёве.

Вторая необычность в том, что Сергей, по сути дела, никакой книги и не писал. Он просто, за свою короткую жизнь писал родным и друзьям интересные письма, иногда в стихотворной форме, писал очерки и стихи в домашний литературный журнал, который издавался в нашей семье, писал в студенческую газету института, где он учился, посылал стихотворения любимой девушке, делал записи в дневнике. И только потом уже, спустя годы, родные и близкие собрали все это в одно, скомпоновали, и получилась книга, которая так и называется: «Сергей Чекмарев. Стихи, письма, дневники.»

Чем же можно объяснить высокий читательский интерес к такой незамысловатой книге? Прежде всего, я думаю, она привлекла своей искренностью, непосредственностью, поскольку писалась не для широкой публики. А во-вторых, период времени, когда жил Сергей, - это интереснейший период в жизни нашей страны, когда проходила перестройка всего хозяйственного уклада страны с капиталистического на социалистический. Процесс, как раз обратный тому, чем мы так мучительно занимаемся теперь.

Поэтому, говоря о Сергее Чекмареве, нужно сразу же мысленно перенестись в те годы, когда он жил.

Каким должен был представляться мир молодому человеку двадцатых годов?

Только что в стране произошла кровавая, беспощадная революция. Но эта революция представлялась не случайным явлением, а исторической необходимостью. Господствовало учение Маркса о неизбежности гибели капитализма и прихода, взамен новой экономической формации, - социалистической, а затем коммунистической.

Справедливость этого учения подтверждали многочисленные тома сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Никакие другие экономические теории совершенно не были доступны для общества, да и, казалось, в этом не было и нужды: и так все было понятно. Эксплуатация человека человеком осуществляется через частную собственность на средства производства. Если эту частную собственность обобществить, передать в руки общества, а производимую продукцию распределять строго в соответствии с затраченным каждым данным человеком трудом, то эксплуатация станет невозможной. Это и будет справедливое социалистическое общество, от каждого - по способностям, каждому - по труду. В таком обществе, согласно учению Маркса, труд, раскрепощенный от оков капитализма, когда человек будет работать не на богачей, а на себя (через справедливое общественное распределение, в конечном счете, на себя), такой труд станет высокопроизводительным и в дальнейшем проявится возможность удовлетворять все

потребности человека. Это уже - коммунизм: от каждого по - способности, каждому - по потребности.

В учении Маркса научно доказывалось, что капитализм погибнет в силу заложенных в нем внутренних противоречий, одним из которых служит закон всё возрастающего не только относительного, но и абсолютного обнищания рабочего класса, что неизбежно должно привести к революционному взрыву. В Коммунистическом манифесте так прямо и написано: капитализм погибнет уже поэтому, что он станет не в состоянии прокормить своих рабов.

В связи с господством таких идей, понятно и отношение Сергея к капитализму, которое видно, например, в его стихотворении «Для памяти». Это стихотворение написано им под впечатлением проходившего в 1927 г. шумного политического судебного процесса, когда два коммуниста - Сакко и Ванцетти - были обвинены в шпионаже и казнены.

ДЛЯ ПАМЯТИ.

Посвящается Сакко и Ванцетти.

✓
Вероятно, многих
 позабуду еще-
Разбросав память
 по годам.
Второпях шагая
 в позабудущее,
Время быстро мчится,
 как всегда.
✗ ✓
Чтобы эту боль
 не позабыть второпях,
Не просить озверелой банде,
Я хочу на своих
 Полотняных стихах
Завязать узелок
 ✓ Для памяти.
За то, что коммунисты,
 За то, что организаторы,
Что сердца тверды,
 Что слова колючи,
За то, что, может быть.
 послезавтра
✗ ✓
Участвовали бы в революции!
За все за это
 под нелепым предлогом
Конвой... Штыки...
 арестуют...
 Тащат...
В самом деле:
 разве долго
Буржуазии убрать
 мешающих?
Обмякнет, однако,
 капитализм-неврастеник.

Хоть и стальные мускулы,
но гляди:
Имеются приметы
и печать вырождения
На его бронированной груди.
Обернется болью былая боль,
Станет он худой и лысый
И ему в горло вчерашние рабы
Вопьются с хищностью лисей!

✓ Как видите, прямо по Коммунистическому манифесту...

Однако, идея, что старое общество устроено плохо и должно быть заменено другим, справедливым, провозглашалась не только марксистами; к этому звали многие произведения классической литературы, на которой и воспитывалась молодежь. ✓ Начиная с Пушкина, который написал однажды: «Народ мы русский позабавим, и у позорного столба, кишкой последнего попа, последнего царя удавим!»; с Лермонтова, клеймившего царедворцев. А как представляли нам помещиков - Гоголь и Некрасов, купцов - Островский, интеллигенцию Чехов, промышленников Горький? О чем писали Белинский и Добролюбов, Чернышевский и Писарев? Все они подводили к мысли, что так жить нельзя, когда на одном конце лестницы общественного строя сосредотачивается богатство, и праздность, и разгул, а на другом - бедность и тяжелый труд; когда жажда наживы попирает начала морали и простой человеческой справедливости...

В наше время некоторые ультра-демократические публицисты пишут, что коммунисты в 1917 году, пользуясь демагогическими лозунгами, захватили власть и потом, опираясь на теорию диктатуры пролетариата, развернули красный террор и с помощью ВЧК и ГПУ превратили страну в сплошной концентрационный лагерь, где люди жили безрадостно, озираясь в страхе, работая из-под палки. Но мы-то, современники двадцатых годов, знаем, что это было не так, во всяком случае, не так для двадцатых и начале тридцатых годов, в период, когда жил Сергей. Напротив, вся передовая часть общества, к которой относилась и мыслящая молодежь, никогда еще не испытывала такого высокого духовного подъема, как в те годы: мы строили, начинали строить новую жизнь, новый мир, основанный на справедливости, воплощая вековую мечту человечества.

«Светлое будущее» - слова, которые теперь пишут в кавычках, а произносят только с иронией - это светлое будущее было тогда для нас реальностью, завтрашним днем если не нашего, то ближайших поколений. Жизнь вовсе не была безрадостной: мы пели революционные и красивые лирические песни, вовсе не похожие на уши раздражающие завывания современных молодежных певцов: а сколько радости несли с собой праздничные демонстрации тех лет! - всегда такие веселые, с задором, с выдумкой... Но главным источником радости были трудовые победы. Празднично воспринимался пуск каждого завода, цеха, освоение нового станка, трактора, комбайна... За каждой такой победой виделся, пусть маленький, но шаг вперед, к светлому будущему, и это воодушевляло. Перед нами была огромная карта новостроек первой пятилетки, на которой было нанесено 518 крупных заводов и 1040 машинотракторных станций, и это была не агитка, все они реально строились. 518 и 1040! Мои современники должны помнить эти цифры, которые в те годы звучали как боевой клич, поднимались как знамя. Строились шахты, домны, электростанции, железные дороги, воздвигались целые города... Страна на глазах поднималась из руин,

превращаясь из отсталой крестьянской в индустриальную. Трудовой энтузиазм, описанный в книге «Как закалялась сталь», - это не выдумка Николая Островского, это почти документальное произведение действительности того времени.

У Сергея эта действительность нашла отражение, например, в стихотворении «Штурмовой квартал», написанном в студенческую газету Московского мясомолочного института, где он тогда учился.

«ШТУРМОВОЙ КВАРТАЛ»

По черным степям,
По огромным равнинам,
Во всех концах
Необъятной карты
Гудят призывы:
«Кадры нужны нам!
Кадры дайте!
Дайте кадры!
Нужны инженеры!
Врачи!
Агрономы!
Нужны зоотехники!
Директора!
Мы землю заставим
глядеть по-иному.
Проходят комбайны
гудят трактора!
Мясо-молочный!
Мясо-молочный!
Это к тебе
обращен призыв
В работе огромной
горячей и
срочной.
Бейся же лучше бери призы!
Комсомол
Лозунг
дал боевой:
Четвертый квартал
даешь штурмовой!
Покажем примеры
ударной учёбы,
Чтоб наша стройка
шла горячо бы.
За качество знаний!
За темпы!
За технику!
Боевая закалка
нужна зоотехнику.
Опportunистов
бита карта!

В работе
в учёбе
будем метки!
Даёшь четвертый ударный
квартал
Третьего года пятилетки!

Конечно, уже и тогда начинал своё черное дело ГУЛАГ. Но каждому отдельному человеку он не был виден во всем своём чудовищном размахе и зверином облики, а был виден лишь его маленький кусочек, и он как-то укладывался в представление о необходимости защиты революционных заповедей. Наблюдавшие иногда даже на этом маленьком кусочке отдельные явные несправедливости, воспринимались как неизбежные издержки классовой борьбы: лес рубят – щепки летят.

За антисоветские высказывания сажали, за антисоветские действия расстреливали, но это не угнетало, поскольку у нас-то и не было никакого желания высказывать или делать что-либо подобное; а когда запрещается то, что ~~то~~ и не хочешь делать, это уже не деспотизм.

Убежденные в реальной опасности контрреволюции, мы были готовы всемерно противодействовать ей, ибо победа контрреволюции означало бы, что вся кровь и все страдания прошедшей революции оказались бы напрасными. Был выдвинут лозунг: «Кто кого», либо мы их, либо они нас. «Если враг не сдаётся – его уничтожают», - провозглашал великий Горький.

Поэтому классовая бдительность казалась тогда первейшей задачей.
Это нашло своё отражение в стихотворении Сергея «Праздник Октября».

ПРАЗДНИК ОКТЯБРЯ.

Нет,
не сравниться
с нарядом знамени
Ноябрьскому
небу сизому.
На стиснутых улицах
столько колонн,
Столько плакатов
нанизано!
Сегодня
автобус,
трамвай,
грузовик,
Камень,
асфальт
и бетон
Всё имеет
октябрьский вид,
Окрашено
в праздничный тон.
Но даже
и здесь,
где площадь гудит,

Классовая зоркость –
 Не уходи!
Но даже и здесь,
 среди гула и шума,
Невольно приходят
 тревожные думы:
Товарищ!
Ты видишь
 октябрьский флаг,
На нём
 золотые
 слова горят,
За ним,
 быть может,
 укрылся враг,
Он, может быть, с нами
 шагает в ряд!
Товарищ!
 Зорче гляди вокруг,
Отдайся
 тревожной заботе.
Узнается враг,
 и узнается друг,
В будничной
 нашей работе.
Листья, конспекты,
 глядя в микроскоп,
Углубившись
 в рой инфузорий,
Надо чувствовать
 Поросли
 новых ростков,
Надо видеть
 Октябрьские зори.

✓
Наиболее сложной в то время была задача перестройки сельского хозяйства с частнособственнического на общественно-социалистический путь. Сдвинуть единоличное крестьянство с пути, по которому оно шло сотни лет, было трудно.

Вот туда-то и решил направить свои усилия Сергей, поступив учиться в Московский мясо-молочный институт Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

С жизнью сельского хозяйства он был знаком. Хотя наша семья жила в Москве, бабушка по линии отца имела и вела крестьянское хозяйство в деревне, и мы с раннего детства всё лето проводили там, принимая участие во всех сельскохозяйственных работах.

Надо сказать, что вообще-то деревня, которую мы теперь несколько идеализируем, в те годы была довольно бедной и неприглядной, в том числе и наша деревня, хотя она находилась не где-то в глуши, а недалеко от Москвы, в Тульской губернии. Называлась она Беззубово (прямо по Некрасовски, у которого были Гореловки да Нееловки, а эта - Беззубово). В ней было 200 дворов, но из них лишь с десяток были в хорошем состоянии, пятистенки под железной крышей, с

рубленными скотными дворами. Остальные - это хижины, покрытые соломой, с плетневыми дворами для скота. Электричества не было и в помине, освещались керосиновыми лампами, но экономно: керосин был дорог. Дороги немошенные даже в самой деревне, так что при длительных дождях колеса телег утопали в колесевенах по ступицу. В обиходе были еще и деревянные сохи, хотя ими обрабатывались только овощные культуры. По деревне нередко проходили нищие, правда, это больше были крестьяне из засушливых приволжских районов страны.

Вокруг деревни было два поля: одно повыше, более сухое, другое пониже, более влажное; поэтому каждое было поделено на двести наделов, по количеству дворов. Делянки отделялись одна от другой межами, рассадниками сорняков.

Глядя на эти четыреста делянок, на которых копошились сотни крестьян в тяжелом ручном труде, становилось очевидным, что существенно облегчить их труд и во много раз поднять его производительность, путем применения тракторов, комбайнов и других с.х. машин можно лишь обобществив эти делянки в большие поля, где только и может работать такая техника.

При таком обобществлении решалась и основная политическая задача: если земля и все средства производства обобществлены, а вся производимая колхозом продукция, за вычетом продналога и семенного фонда, распределяется строго по трудодням, то есть по затраченному труду, то это и есть социализм в чистом виде, первичная социалистическая ячейка: от каждого по способности, каждому по труду.

✓ Тогда всё это было для нас понятн^о и беспорным.

Отношение Сергея к колхозам выражено, например, в стихотворении «Губерния бывшая Тульская».

ГУБЕРНИЯ БЫВШАЯ ТУЛЬСКАЯ.

От наших авто шумящих,
От нашей природы тусклой
Ты скроешься в самую чашу
Губернии бывшей Тульской.

Тебе покажется диким
Это небо, рябое, в звёздах,
Эти липкие лапы гвоздики,
Этот крепкий сосновый воздух.

Как вылетевший из пушки,
Ты ходишь, кругом озираясь:
Кривые, глухие избушки...
Растущая зелень сырая...

Где же он сам, властелин природы?
Уж не в этих ли жалких лачугах?
Почему его огороды
Не цветут плодоносным чудом?

Почему его урожай
Не вонзаются в неба глуби?
Что посевам его угрожает?
Кто его луговины губит?

Рождает наш век двадцатый
Много мыслей и дел высоких,
Отчего же вот здесь, за хатой,
Деревянные живы сохи?

Ведь не все же, не все же, не все же
Уперлось корнями в века.
Ведь бьётся ж под чьей-нибудь кожей
Сердце большевика!

Не всё же, не всё же, не всё же
У тысячелетий в плену.
И тянет рябиною свежей
К раскрытому настезь окну.

...Цветущее поле колхоза,
Хозяйские руки и счёт,
На солнце играя, глюкоза
По тульским стеблям потечёт.

По диким пустынным трактам,
Где в древности топал мамонт,
Пройдёт, громокая, трактор,
И рождённые скажут: «Мама».

Картофель, полней под землёй!
Подсолнухи, жмурьтесь от света!
Невиданной всходит зарёю
Огромный зрачок человека.

В противовес есенинскому толкованию по уходящей патриархальной деревне написано стихотворение «Деревне»

✓ ДЕРЕВНЕ

Пылают печи
Борьбы горячей,
Но, сдвинув плечи,
Деревня плачет;
- Была без ситца,
Была босою,
Но жаль проститься
Мне с косою.
Менять ли росы
На гуды города?
Ах, косы, косы,
Девичья гордость! ...
Глаза не мучай,
Не плачь, деревня,
Еще ведь лучше

Цветут деревья.
Взгляни косыми.
Поправь косынку,
Взамен косы мы
Дадим косилку.
Взамен коняги
Дадим мы трактор,
Начнут овраги
Дымиться травкой.
Стань на пригорье,
Надень передник,
Мы перегоним
Самых передних.
Так бей же метко,
Иди же ходко,
Пятилетка –
Четырехгодка!

Отношение Сергея к своей учебе в мясо-молочном институте выражено в стихотворении «Корове».

По сизому небу

плывут облака.
Корова
жуёт
и думает:
«Сердитые люди
отняли телка,
В овсяной соломе мало
белка,
И жизнь моя
очень угрюмая».
Я запахом талого снега дышу,
Я знаю
тоску коровью,
И я
не чернилами
это пишу,
А собственной сердца
кровью.
И я
говорю:
«Растай тоска.
Коровья печаль,
затихни.
В вузе,
где мелом
стучит доска,
Учится зоотехник.
Он пишет конспекты,
листаёт тома,

Льет кислоту в бюретки,
Он готовится
силу ума
На службу
отдать пятилетке.
И он придет
среди пыльных степей,
Среди леска поределого
Строить
силосные башни тебе
И заново
мир переделывать».

На последнем курсе института Сергея настигла любовь. Влюбился он в первый, да и в последний раз в студентку младшего на год курса того же факультета. Родом из Кубани, она жила в общежитии.

Девушка привлекательная и деятельная, она была избрана коллективом в депутаты Райсовета, где принимала участие в работе секции здравоохранения. Поэтому первое любовное послание Сергей написал в виде заявления в Райсовет.

ТОВ. ТОНЕ, ЧЛЕНУ РАЙСОВЕТА, ОТ ЧЕКМАРЁВА
Заявление

Под мягким светом
электрошаров
Вы сидите в глубинах кресел,
Чтоб каждый в республике
был здоров,
И сыт,
и румян,
и весел.
Но дерзаю от срочных дел
Вызвать тебя с заседания.
Тоня! Парень один заболел,
Прошу обратить внимание!
Правда,
парень
не слишком умён
И с довольно посредственной
рожей,
Какая-то куртка
надета на нём,
И кличут его Серёжей.
Он в стены впивает
измученный взгляд.
Смотрите,
какой он рассеянный!
Он и не слушает,
что говорят
Про шахты
и про бассейны.

Он не листает
учёных томов.
Он не пишет конспекта.
И в сердце его
рассветает любовь
Всеми цветами спектра.
И кроме тех дум,
что жгут
как мороз,
Что в душу
стучатся, как в стекла,
Весь мир,
ему кажется,
скукой зарос,
Вся жизнь
отцвела и поблекла.
Брести в столовую?
Ради чего?
Питаться соленою рыбкою?
Ах, он погибнет,
если его
Не ободрить улыбкою!
Твоею улыбкою, Тоня,
да,
Прекрасною, милой такою.
И сразу бы муки
не стало следа,
Тоску бы
сняло как рукою

х х х

Хорошо: ну, приходит Тоня,
Но зачем же срываться с места?
Зачем глядеть беспокойно
И вступать в разговор неуместно?
Сереза! Еще немного,
И что от престижа останется?
Ты должен держаться строго,
как член редколлегии «Сталинца»
Но на такие речи
Я лишь головой качаю.
Я лишь пожимаю плечи
И сам себе отвечаю:
«Товарищ! В чем дело? Ну, пусть он студкор,
Пусть пишет острее перца,
Но скажите: с каких же пор
Он не имеет сердца?
Нет, он имеет его! И вот
Вам результат наглядный:

Он уже ходит, как идиот,
Он очарован взглядами».

Выходной день.

Стих написан
В лирическом тоне. Кому посвящаю?
Конечно, Тоне!
Восьмого, в восемь часов утра,
Проснулся я с мыслью одной:
Сегодня горячим и нужным делам
Отдам я свой выходной.

Первое: надо усвоить на «ВУ»
Что-то о видах металла
Второе: прочесть шестую главу
(Третий том «Капитала»)
Затем поработать часика три
Над своей «Ильичёвкой»:
Каждую фразу заострить,
Сделать лёгкой и чёткой.
План замечательный - что и сказать!
Расчёт был довольно тонкий.
Но только одно не уёл я: глаза,
Глаза и улыбку Тоньки.
Напрасно я в книгу глядел, как баран
Я в ней даже букв не заметил.
На сердце поднялся такой буран,
Такой сумасшедший ветер.
Мечты маршируют, как роты солдат
И мысли несутся, как конница
Из всех событий, имён и дат
Одно лишь на свете помнится;
Как она засмеялась, вошла, ушла,
Задумалась, руку пожала
И как улыбкою сердце жгла
Больнее и ярче пожара.
И ярк чувств распущенный спектр,
Он мозгу командует:
«Стой!»
И вот закрывается скучный конспект
Раскрывается Лев Толстой
Плыви, как в тумане волнующий шрифт,
Горячие мысли теките!
Вот Долли рыдает, измену открыв,
И в вальсе кружится Китти.
Оркестр, мелодию заиграв,
Созвучия в уши бросает.
И тут появляется Вронский-граф,
Богач, адъютант и красавец.
Он к Китти стремился лучистой мечтой,
Любовался улыбкою, бровью

И думал наивно, что чувствует то,
Что люди зовут любовью.
Но любовь - это перец, огонь и желчь,
Это розой цветущая рана.
Она обязана мучить и жечь,
Она не выносит спокойную речь...
И в платье, открытом почти до плеч,
Входит Каренина Анна.
И сердце графа дает перебой,
И граф отдается смятенью,
Уже становится он не собой,
А ее отраженной тенью.
Сердце Анны ужалено тоже,
Но Анна замужем, Анна - мать,
Но, боже, она ведь любить не может,
Это ведь надо же понять!
Анна с тоскою не в силах справиться.
Анна едет в Санкт-Петербург,
Прижав холодные тонкие пальцы
К такому горячему, милому лбу.
Ах, скорее домой, и там бы!
Встретили Анну ребенок и муж!
Анна встает и выходит в тамбур,
Чтоб ветер сердце избавил от мук.
Тянется леса рисунок броский...
И сразу в ушах волнующий звон:
Боже, чьи это губы?

Вронский!

Да, сомненья нету, он!...
Он стоит уже с нею рядом.
«Стоять? Повернуться? Уйти назад?»
Но Анна не может спрятать радость,
Жгущую губы ее и глаза.
Ведь это не нужно спрашивать даже,
Ведь это же ясного ясней,
Что он для того лишь стоит на страже,
Чтобы быть тут, в поезде, рядом с ней.
Что он стоит среди урагана,

Где вихри снега и стали гуд,
Лишь потому, что дорога ему Анна,
Что так волнующ изгиб её губ...

Но не буду пересказывать дальше содержание «Анны Карениной», оно известно всем. Я читал до вечера, увлечённый шелестом страниц. Лишь вечером я отклеил глаза от книги, не как отклеивают мух от мёда, а как отклеивают бинт с присохшей кровью от раны. Затем я принялся за чтение учебников. Затем...

Затем – железом звенит засов,
Входят приятели – нет спасенья!
Затем начинается гул голосов
И долгое рук трясенье.

-Ага, Сергей, оторвался от масс?
-Молчишь, брат, и крыть, значит, нечем?
Слушай, Серёжка, идём сейчас
На литературный вечер.
-А кто читает? – Сельвинский сам.
-А где это? – В клубе ФОСПа. –
И в сердце вспыхнула страсть к стихам,
Как вспыхивает оспа.
Я чувствовал: надо всех выгнать вон
И засесть за том «Капитала».
Но вечер, но строчек волнующий звон,
Отливающий гулом металла...
Я видел, пылая, горя от стыда,
Что я поступаю по-свински,
Но всё-таки взял и поехал туда,
Где выступал Сельвинский.
И вот, расставшись с последним рублём,
Я думал, вбегая в сияющий клуб:
«Глуп ли я оттого, что влюблён?
Или влюблён оттого, что глуп?»

Однако, все эти послания и все ухаживания не вызывали у Тони должной ответной реакции. И уже появляется такое стихотворение.

Мне часто враги твердили,
Да и приятели тоже:
«В этом хитро устроенном мире
Ты глуп, дорогой Серёжа.
Ты будешь всегда всех ниже,
Да и умрёшь без славы
Увы, мне! Теперь я вижу,
Что они все были правы.
Ах, был бы умён я, не стал бы
С тоскою бродить по аллее!
Ах, был бы умён я, не стал бы
Так глупо вести себя с нею!
Не стал бы с бунтующей кровью
Часами сидеть в отчаянье!
Следить за светлою бровью,
Ловить головы качанье,
Я знаю: всё это напрасно,
Но что же мне делать с собою?
И с платьем вот этим красным,
И с лентой вот той голубою?..

И вдруг Сергей узнаёт, что у Тони, у его любимой Тони, уже давно идёт роман с каким-то молодым доцентом института. Роман банальный, но от этого не менее мучительный: влюблённость, увлечение до интимных отношений, и вечный

вопрос о последствиях: любимый категорически против ребёнка и покидает Тоню, хотя и остаётся любимым.

Узнав об этом, Сергей пишет Тоне:

ПРОЧТИ. ПРОСТИ...

За этим платьем, ярче меди,
За этой лентой голубой,
Прости меня, я не заметил,
Что у тебя на сердце боль.
Что ты измучена любовью,
Что эта жизнь тебе узка,
Что под твоею светлой бровью
Такая чёрная тоска...
Прости... Быть может, даже пошлым,
И глупым иногда я был
И, незнакомый вовсе с прошлым,
Тебя невольно оскорбил.
Прости... Но этим страшным ядом
И я отравлен, как и ты.
И я ловлю печальным взглядом
Свои разбитые мечты.
Быть может, знай я всё вначале,
Я прежним парнем мог бы быть!..
Но уж теперь моей печали
Не разогнать, не потушить...
Я буду здесь и буду злиться,
Я буду верен до конца.
Из сердца все на свете лица
Не выжгут твоего лица.

А в дневнике он пишет:

Она об этом не расскажет,
Она безмолвна, как гранит
И как узнать, какую тяжесть
Она в душе своей хранит?
А здесь тоска сквозь рифмы светит,
Как твои ноги сквозь ажур.
И знаю; никому на свете
Я этих строк не покажу...

О своём сопернике он пишет так:

Он обучался в высшей школе.
Он образован, он доцент,
Но в сердце - хоть бы искра боли,
Тоски - хоть бы один процент!

«Ты не криви так горько ротик
И к моему склонись плечу,
Ведь я любить тебя не против,
Но я ребёнка не хочу».

В родильном доме Тоня получает следующее послание:

Я был как поражённый громом,
Не мог дыханья перевести.
Я покраснел, я стал багровым,
Когда услышал эту весть.
Так беспокойно, так тревожно
По коридорам я бродил.
И если б это было можно,

Я сам бы за тебя родил.
Как на душе темно и зыбко,
Как мысли гаснут на лету!..
Тяни, тяни мелодью, скрипка,
Но только выбери не ту.
Ты о любви довольно пела,
Теперь о том ты прости.
Как в муках бьётся чьё-то тело
На льду колочей простыни,
Как сведены в страданье брови,
Как тяжёлый груз горячих век,
И как рождается из крови
Комочком синим человек.
Людёныш крохотный и жалкий!
Как он беспомощен, как мил,
Как он глядит на этот яркий
И незнакомый ему мир...

И он, не отданный абарту,
Курносый, он желает жить,
Тоску и радость лить в аорту
И с нашей стройкою дружить...

После выхода из родильного дома Тоня занимает решительную позицию:
никаких ухаживаний, я уже мать, хватит с меня...

Ты говоришь: «Всему конец!
Забудь, уйди, не надо злиться».
И взгляд твой, серый, как свинец,
В мои глаза не хочет влиться.
И я гляжу в твои глаза
И наклоняюсь ниже, ниже...
Тех дней уж не вернусь назад,
Тех поцелуев с губ не выжечь.
Но этот лоб и прядь волос,

Всё это – смех, и жест, и брови,-
Оно с душой моей сжилось,
Оно впиталось в плазму крови.
И каждый вечер, в поздний час
Любовь приходит, как удушье.
Но у тебя в пещерах глаз
Ложится тигром равнодушие.
В улыбке, в линии плеча,
Как лунный свет, скользит усталость.
И мне поверь одна печаль,
Одна тоска теперь осталась...
Но в дневнике Сергей записывает:

Итак, "всему конец"...Но я знаю, что всему не конец.
Я знаю, что повесть будет продолжаться.
Я знаю, что к Тоне по окончании отпуска приду.
Приду и сяду напротив неё.
Повесть будет продолжаться, не знаю, чем она окончится, но продолжаться она будет.

Тоня не берет академического отпуска в связи с рождением ребенка и продолжает учиться, хотя и живет в общежитии. Ей во всем помогают подруги, среди которых неизменно и Сергей.

Повесть продолжается, но очень не просто. Тоня всё же продолжала любить своего доцента, хотя он и покинул её. Сергей пишет в дневнике:

«... Она не только не хотела забыть его, вырвать из сердца, но как будто бы даже берегла его в сердце. «Этот человек – загадка», - говорила она.

Вот тут, когда я разглядывал такое отношение Тони к прошлому, начала рождаться ненависть к этому человеку. Хотелось доказать, что вовсе он не загадка. «Человек, расходящийся с женщиной только из-за того, что она хочет иметь ребенка, пошляк и мелкий человек, а вовсе не загадка»,- хотелось мне сказать. И я мучился властью его над Тоней и тем, что она сама не хочет эту власть с себя сбросить, а хочет сделать из всего легенду. Я не мог примирить этого поведения с простой человеческой гордостью, с простым человеческим душевным здоровьем. Зачем скрывать от всех его имя, выдумывать загадку из простого и, может быть, пошлого человека? Ведь этим прежде всего она себя же мучает и свою же любовь растравляет. И как это у неё выжечь, я не знаю.

Ведь он не живой человек, он тень, которая лежит на сердце, а тень, как известно, ножом не соскоблишь и химическим составом не выведешь.

Я живой человек, я часто глупости говорю, и руки у меня грязные бывают, а он мечта, он легенда, он всегда умен, всегда чист. А знай его все по имени и отчеству и завтракай он у нас в буфете, может быть, Тоня давно б в нем разочаровалась.»

Тоне он пишет:

Когда я беру твою руку,
Руки ты не отнимаешь,
Но в глазах твоих видится мука,
Такая печаль немая!..
И в жилках руки капризных
Я слышу тоски трепетанье.

Он здесь еще этот призрак,
Над нами его дыханье!
И я своею рукою
Коснуться тебя не смею,
Я только смотрю с тоскою,
Я только сижу и краснею.

Всё же со временем у Тони появляется к Сергею теплота. И вот уже стихотворение:

ДОМ, ПОСТРОЕННЫЙ НА ПЕСКЕ.

Я от взгляда её краснею,
Любуюсь жилкою на виске,
Но наша сердечная дружба с нею –
Дом, построенный на песке.
Она целует меня, балуясь,
Я уеду, она в Москве.
Что все мечты мои, все поцелуи? –
Дом, построенный на песке.

Но как-то я удивился очень,
Прочитав в календарном листке:
«Как раз бывает особенно прочен
Дом, построенный на песке».

И вспомнил: она так даёт свою руку,
Со мною бродит, больше ни с кем,
Может, и правда прочная штука
Дом, построенный на песке?

Снег колючий падает с веток...
Может и правда, конец тоске?
И будет сиять таким чудным светом
Дом,

построенный
на песке?!

Но приближается окончание института, когда Сергей должен уехать по распределению на работу, а Тоне еще год учиться. Сергей пытается уговорить Тоню уехать вместе с ним, а институт закончить заочно, (на что администрация могла согласиться ввиду сложного ее семейного положения). Однако Тоня еще ни на что не решается. Сергей пишет ей:

Сегодня в этой комнате
ты здесь со мною рядом,
Меня своей улыбкою
и шуткою даря.
Но быстро время катится,
минуты дышат ядом,
И грустно осыпаются

листки календаря.
И скоро, скоро выпуск-
пятнадцатое марта,-
Зачеты и бессонница,
и хлопоты, как чад.
Передо мной откроется
огромнейшая карта,
Собрания откроются,
и речи зазвучат.
И скоро я, как водится,
среди графленных линий
Впишу свою фамилию
взволнованным пером,
Надвину шапку на уши-
в такой вот вечер синий,-
Возьму, что полагается,
и выйду на перрон.
Куда бы ни умчался я-
к Сибири, к Казахстану
Или к седому облаку
на Северный Кавказ,
Но я тебя, курногая,
любить не перестану,
Я в сердце увезу с собой
сиянье серых глаз.
Ты помнишь, Тоня, помнишь?
Когда тебя я встретил,
Такой полынной горечью
сверкал тогда твой взгляд.
В тебе два сердца бились,
мое же было третьим...
Оно стучало, правда ведь,
на задушевный лад?
Ты помнишь, помнишь время то,
когда сидел я около,
Молчанье, переписку
ты помнишь, Тоня, да?
Мороз дышал на улице,
цвели сиренью окна,
И в сердце что-то искрилось
и прыгало тогда.
За этой черной лампочкой
ты сядь сюда и слушай.
Не надо недоверчиво
сжимать и хмурить бровь.
Бушует кровь в артериях,
и нас связал не случай,
А звонкая и свежая,
нелегкая любовь,
Не та любовь, с которою

и смейся и посвистывай,
Ходи себе по лестницам
и в сутолке туши
А та любовь, которая,
как жар, как бред неистовый.
Как острое стремление
измученной души
Весь этот пыл мучительный
не выражу стихами я.
Но ты не просишь этого,
ты чувствуешь сама
Мои ладони робкие,
мой взгляд, моё дыхание,
Биенье сердца мальчика,
сведённого с ума.
Я жду, что ты подымешься,
такая ж сумасшедшая,
И мне подашь порывисто
горячую ладонь!
Как злое и ненужное,
откинешь всё прошедшее
И снова станешь радостной,
весёлой, молодой.
Не понимаю, что со мной?
Я рад сегодня облаку,
Морозу, снегу, инею,
сверканию луча...
Какое счастье это вот-
идти с тобою об руку,
Идти с тобой и чувствовать
касание плеча!
...Я был бы всех счастливее,
но только вот что думаю:
Всё это настоящее?
Иль это только бред?
И, может, на волнение,
на эту всю тоску мою,
Сурово отодвинувшись,
ты мне ответишь: "Нет!"
И после ночью где-нибудь,
рванув из-под Саратова,
Я вспомню все мечтания
и всю тоску свою,
Что жизнь с мученьем прожита,
что сердце расцарапано
И что цветут глаза твои
совсем в ином краю...

* * *
Гляди уже по Лиственной,

Где институт мясной,
Тревожною, таинственной
Повеяло весной.

Уже ручьи забулькали
По всей аллее сплошь.
Отправишься за булками-
Не вытацишь калош.

Ворвался ветер в форточку
С заоблачных высот,
И умывает мордочку
На крыше серый кот.

Но виснет сердце гирею,
Лежит на сердце тень:
В далекую Башкирию
Я еду через день.

Средь гула, среди дыма я
Забудусь ли в тоске?
Но ты, моя любимая,
Останешься в Москве

В Москве, где все закружено,
Где звон, где шум, где гуд,
В Москве, где шелк, где кружево,
В Москве, где столько губ,

Где все огнями залито,
Где окна жгут и злят
Ты позабудешь за лето
Мой исподлобья взгляд.

В Москве, где зори молоды,
Где столько лиц и встреч.
Забудешь очень скоро ты
Мою простую речь.

В Москве, где взгляды-омуты,
Где жизнь кипит, как кровь,
Другому ты, другому ты
Отдашь свою любовь.

Средь топота овечьего,
Среди сосновых смол,
Однажды, синим вечером,
Я получу письмо.

И строки жгут больней огня:

«Сереженька, прощай!
Не мучь меня, забудь меня,
Не плакать обещаю».

Пускай тоской и пламенем
Пахнет от этих строк,
Но с выраженьем каменным
Я буду сух и строг.

Я высунусь на улицу
И погляжу вперед.
Грустится ль мне, тоскуется ль,-
Никто не разберет.

Рукою не усталую
Придвину микроскоп.
К холодному металлу я
Прижму горячий лоб.

«Она была б жена твоя,
И вот ее уж нет.
Так, сердце, рвись же надвое,
Пылай, жестокий бред...»

Номер поезда-сорок ~~восемь~~,
Плацкарта - девять,
вагон-номер шесть...
Но это неважно,
а важно, что осень,
Что осень была у меня в душе.
Я жил хорошо,
я спать мог вволю,
Читал беллетристику,
пил и ел.
Чего же еще? Но с какой я болью
Твердил одно слово
На букву «эл»!..
Оно начинается, это слово,
На «эл»,
а оканчивается на «ю».
А поезд везет меня снова и снова
И поворачивает на юг.
И вот
Рязань,
Рузаевка,
Инза
Уже промелькнули
сквозь ляг и дым,

И тает солнца желтая линза
Над этим лесом,
 иссиня-седым.

Несись же, поезд,
 Несись же, поезд,
Под вздохи поршня,
 Под стук колес.
Не надо, сердце,
 к боям готовясь,
Не надо,
 не надо,
 не надо слез...

Вот так, под шум, под грохот железа
Старее лицо и уходят года
И вот уж ни поля, ни луга, ни леса,
А только вода, и вода, и вода...
Да это же Волга! И тянет невольно
Прилечь бы устало на тот бережок...
Ах, что-то мне грустно, и что-то мне больно
Наверно я сердце тоской пережег...

В Башкирии Сергея направляют работать во вновьорганизующийся Таналыкский мясосовхоз.

Я ОБ ОДНОМ ЖАЛЕЮ...
Не надо сердиться, ветер!
Ты знаешь,
 что мир велик.
Не только Москва на свете,
Существует и Таналык.
Ну что же...
 И здесь неплохо

По жилам струится труд,
И если велит эпоха,
Я буду работать тут.
Но я об одном жалею.
По жизни
 этой скользя,
Что в Лиственную аллею
Отсюда
 пройти нельзя.
Нельзя
 скинуть кепку сырую,
Вбежать
 на четвертый этаж.
И я тебя не поцелую.
И ты мне
 руки не подашь...

О своей новой работе Сергей пишет в одном из писем к родителям :

«Работаю сейчас старшим зоотехником совхоза, заместителем директора по животноводству. Работа мне нравится. Глупы были люди, которые жалели меня в Москве. Вот, дескать, человек окончил вуз, получил высшее образование и, пожалуйста, - едет в глушь, в деревню, в степь, в полудикие места, да еще на постоянную работу.

Что же, вот я в глуши, в степи, на постоянной работе - и очень доволен. Почему? Работать в Москве - это шесть часов ежедневно сидеть в каменной коробке, что-то писать, считать и чертить - это нудно. Работать здесь - это значит носиться верхом на лошади, организовывать работу в гуртах, управлять совхозом. Это трудно. Но лучше трудно, чем нудно, - так я считаю.»

Тоня все же приезжает к Сергею в Башкирию в летние каникулы на два месяца, но потом уезжает обратно в Москву оканчивать учебу.

* * *

Еще и день не начался,
Еще и туман над водой,
Но я уж в седле качался,
И шел подо мной Гнедой.
Я как будто удобно уселся,
Накормлен, напоен и сыт.
Отчего же стучит мое сердце
Громче его копыт?
Еще далеко до дому,
Я косматую вижу зарю,
И я говорю Гнедому,
Я ему говорю:
-Гнедой, погляди-ка на степь
За эти вон горы, туда...
Кобылу саврасой масти,
Наверно, ты помнишь, да?
Она ведь рядом с тобою
Шла и в галоп, и в рысь,
И отравой цвела голубою
Над нами бездонная высь.
Она ведь с тобою рядом
Шла и в рысь, и в галоп.
А Тоня светлела взглядом,
И падала прядь на лоб,
И падала прядь с фасонцем
На лоб у моей жены,
И руки ее от солнца,
И плечи обожжены.
Гнедой, ты, наверно, понял,
Ты понял ли, мой Гнедой?
Какая хорошая Тоня,
Какой ее взгляд молодой!
Гнедой, ты, наверно, хочешь
Увидеть бы хоть разок
И светлый ее височек,
И серый ее глазок?

Отдаться бы сладкому плену,
Послушать веселую речь...
Я знаю мечте моей цену,
Я умею любовь беречь.
Ременной подпругой сжала
Мне сердце тугая боль.
О, Гнедой, она убежала,
Убежала от нас с тобой!
Она забрала ребенка
И ускакала в Москву,
Оставила Даше гребенку,
А нам с тобою - тоску.
К белой бумаге неба
Приложена солнца печать,
Подняться на небо мне бы
И до Москвы докричать:
«Ах, Тоня! Как сердцу горько,
Как хочется быть с тобой,
Когда за Сюсяевой горкой
Встает закат голубой!...»
* * *

Пушистый снег,
Пушистый снег,
Пушистый снег валится,
Несутся сани, как во сне,
И все в глазах двоится.
Вот сосенки,
Вот сосенки,
Вот сосенки на право,
А ты грустишь о Тосеньке...
Какой чудак ты, право!
А ну пугни,
А ну пугни,
А ну пугни Гнедуху!
Пониже голову пригни,
Помчимся что есть духу.
Ведь хорошо,
Ведь хорошо,
Ведь хорошо в снегу быть, -
Осыпал белый порошок
Твои глаза и губы.
На сердце снег,
На сердце снег,
На сердце снег садится.
Храни в груди веселый смех,
Он в жизни пригодится!

Тоня все же приезжает к нему и зимой. Но жизнь в глухой башкирской деревне, да еще с совсем маленьким ребенком, очень трудна; тем более трудна в суровых климатических условиях. Например, в одном из писем Сергей писал родителям:

« Недавно под Баймаком был страшный буран, во время которого немало померзло людей. И замерзали не где-нибудь в необозримом пространстве, а в двух верстах, в полуверсте от дома. В Баймаке замерзли даже две школьницы по пути из школы домой. В такой буран можно выйти из избы к соседу напротив - и заплутаться, попасть в город - и замерзнуть там. Тоня, между прочим, в этот буран была в Богачеве и тоже заблудилась в деревне, не нашла дороги из конторы домой. Вот как.»

Тоню все это тяготит, и она собирается уехать в Москву. Сергей пишет в семейном литературном журнале « Буран», который они с Тоней издали тогда, такое стихотворение:

Тебя мне даже за плечи
Не вытолкать из памяти,
Пусть ты совсем не прежняя,
Пусть стала ты другой,
Но переливы глаз твоих
И губы, цвета камеди,
В сознание озаряются,
Как вольтовой дугой.

я буду помнить корпус наш,
шаги твои по Лиственной,
холодное молчание,
горячие слова.
там пруд пылал, как озеро,
и бред казался истинной,
И от улыбки чуточной
кружилась голова.
Она, любовь, с тобой у нас
не распускалась розою.
Акацией не брызгала,
сиренью не цвела.
Она шла рядом с самою
обыкновенной прозою,
Она в курносом чайнике
гнездо свое свела.
Она была окутана
лиловым чадом примуса,
Насмешками приятелей
и сутолокой групп...
Но на душе тоска была,
и я в огонь бы ринулся
За искорку в глазах твоих,
за очертание губ.
Теперь с тоскою кончено.
Теперь твои артерии
С моими перепутаны
и переплетены.
И как рисунок бабочки

на шелковой материи,
Над нами тень раскинулась
ибряевской луны.
Скажи мне, неужели ты
со скукой смотришь на небо?
И жизнь тебя измучила,
и кажется сера?
И как в реку бросаются,
не глядя, хоть куда-нибудь.
Бежать тебе хотелось бы
из этого села?
А мне минуты кажутся
чудесными и гордыми,
По книгам буквы ползают,
блеснуется метель,
И лошади проносятся
с опущенными мордами,
И избы озаряются
улыбками детей.
по фермам путешествовать,
не брезговать помоями,
с директорами ссорится,
с животными дружить-
не знаю, как по-твоему,
но, Тонечка, по-моему,
все это, вместе взятое,
и означает жить.

И еще строки:

возьми, родная,
свое сердце проверь!
Ведь я люблю тебя как прежде

Я вот он тут, как на ладони

Возьми, родная, свое сердце

Тоня остается в Башкирии.

поверь!

весь!

взвесь!

В ПУТИ

Сегодня вьюга бесится,
ехать не велит,
Мерин мой игрневый
ушами шевелит.

-Ты что, овес-то даром ел
по целому мешку?
Давай, давай прокатимся

по белому снежку!

Чтобы глаза заискрились,
чтоб ветер щеки жег,
Чтобы снежинки вихрились
в переплетеньях ног...

Кого, скажи, пугаешь ты,
косматая метель?
Мы все здесь люди взрослые,
нет маленьких детей.

Нам все равно, голубушка,
хоть вой ты иль не вой,-
Твой голосок пронзительный
мы слышим не впервой.

Среди снежинок шелковых,
в нагроможденье скал,
Я только здесь нашел себе,
чего всю жизнь искал...

Ты что прижался, слушаешь,
мерин, мою речь?
А ну, рвани как бешеный
метелице навстречь!

Я все-таки, товарищи,
жалею горожан:
Стоят машины сложные
у них по гаражам.

Там иглы, карбюраторы,
и черт их разберет!
А мы помашем палкою-
и движемся вперед.

Скорость, направление
и качество езды
Легко мы регулируем
при помощи узды.

Тяжелое чудовище,
пузатый автобус,
Он был бы здесь, в ущельях,
обузой из обуз.

Скажи мне: он проехал бы
ну вот на этот стог?
Конечно, не проехал бы,

он сразу тут бы сдох!
А с поршнями и с кольцами
возился человек,
Он не смыкал над книгами
своих усталых век.

Он думал над машинами
десятки тысяч лет...
Таких, как мой игрневый,
ещё покамест нет,-

С такой вот тёплой кожейю
и гривой коня,
С такой вот хитрой рожею,
глядящей на меня.

И вот он снова мчит меня,
нисколько не устав,
Опять мелькает в воздухе
скакательный сустав.

И капли ядовитые
я стряхиваю с лет,
И вьюгою за саками
заравнивает след...

Но мировосприятие Сергея лучше всего характеризует его стихотворение «Размышления на станции Карталы». Это стихотворение так же, как и всё написанное им, имеет фактическую основу. В какой-то период своей работы в Башкирии, Сергей вдруг получил повестку призыва на военную службу. Сдав полностью свои многотрудные дела, он прибыл в пункт назначения, но там его вскоре освободили от призыва вследствие сильной близорукости. Тогда, с документами на руках, он был свободен в своём выборе и мог не возвращаться в башкирские мясосовхозы, а уехать в Москву. А станция Карталы - это узловая станция развилки ж.д. путей - на Москву и в глубь Башкирии.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА СТАНЦИИ КАРТАЛЫ.

И вот я, поэт, почитатель Фета,
Вхожу на станцию Карталы,
Раскрываю двери буфета,
Молча оглядываю столы.

Ночь. Ползут потихоньку стрелки.
Часы говорят: «Ску-чай, ску-чай».
Тихо позванивают тарелки,
И лениво дымится чай.

Что же! Чай густой и горячий.

Лэкин кармаңда акса юк,
В переводе на русский это значит,
Что деньгам приходит каюк.

Куда ни взглянешь – одно и то же:
Сидят пассажиры с лицами сов.
Но что же делать? Делать что же?...
Как убить восемнадцать часов?

И вот я вытаскиваю бумагу,
Я карандаш в руках верчу,
Подобно египетскому магу,
Знаки таинственные черчу.

Чем сидеть, уподобясь полену,
Или по залу в тоске бродить,
Может быть, огненную поэму
Мне удастся сейчас родить.

Вон гражданка сидит с корзинкой –
Из-под шапки русая прядь, -
Я назову её, скажем, Зиной
И заставлю любить и страдать.

Да, страдать, на акацию глядя,
Довольно душистую к тому ж...
А вон тот свирепый усатый дядя
И будет её злополучный муж.

Вы поглядите, как он уселся!
Разве в лице его виден ум?
Он не поймёт её пылкою сердца,
Её благородной... Но что за шум?

Что случилось? Люди свирепо
Хватают корзины и бегут...
Потом зажигается много света,
Потом раздаётся какой-то гуд.

И вот, промчав сквозь овраги и горы,
Разгоняя ночей тоску,
Останавливается скорый –
Из Магнитогорска в Москву.

Чтоб описать, как народ садится,
Как напирает и мнёт бока,
Конечно, перо моё не годится,
Да и талант маловат пока.

Мне ведь не холодно и не больно –

Они уезжают, ну и пусть!
Отчего же в душе невольно
Начинает сгущаться грусть?

Поезд стоит усталый, рыжий,
Напоминающий лису.
Я подхожу к нему поближе,
Прямо к самому колесу.

Я говорю ему: - Как здоровье?
Здравствуй, товарищ паровоз!
Я заплатил бы своею кровью
Сколько следует за провоз.

Я говорю ему: - Послушай
И пойми, товарищ состав!
У меня болят от мороза уши,
Ноет от холода каждый сустав.

Послушай, друг, мне уже надоело
Ездить по степи вперед- назад,
Чтобы мне вьюга щёки ела,
Ветер выхлестывал глаза,

Жить зимою и летом в стаде,
За каждую тёлку отвечать.
В конце концов, всего не наладить,
Всех буранов не перекричать.

Мне глаза залепила вьюга,
Мне надоело жить в грязи,

И как товарища, как друга,
Я прощу тебя: отвези

Ты отвези меня в ту столицу,
О которой весь мир говорит,
Где электричеством жизнь струится,
Сотнями тысяч огней горит.

Ты отвези. И в эту субботу
Меня уже встретит московский перрон.
И разве я не найду работу
Где-нибудь в тресте скрипеть пером?

Я не вставал бы утром рано,
я прочитал бы книжек тьму,
а вечером шел бы в зал с экраном

В его волшебную полутьму.

Я в волейбол играл бы летом
И только бы песни пел, как чиж...
Что ты скажешь, состав на это?
Неужели ты промолчишь?

Что? Ты распахиваешь двери?
Но товарищ, ведь я шучу!?
Я уехать с тобой не намерен
Я уехать с тобой не хочу.

Я знаю: я нужен степи до зарезу,
Здесь идут пятилетки года.
И если в поезд сейчас я влезу,
Что же со степью будет тогда?

Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу.
Она без меня проживет, наверно,-
Это я без нее не могу.

У меня никогда не хватит духу-
Уж слишком в сердце вошел этот яд-
Покинуть степь, гурты, Гнедеху.
И голубые глаза телят.

Нет, я не скоро твоим пассажиром
Буду, друг 58-й
Я уши смажу гусиным жиром.
Белый бинт повяжу тесьмой.

Ну, так что же! Ведь мы не на юге.
Холод, злися! Буран, крути!
Все равно сквозь завесу вьюги
Я разгляжу свои пути.

Весной того же года Сергей погиб при переезде в брод башкирской речки Большая Сурень.

Впрочем, обстоятельства гибели остались невыясненными. Он не утонул - речка была довольно мелкая - и смерть наступила от сильного удара в висок. Этот удар мог быть получен либо при неудачном падении со споткнувшейся лошади, либо от брошенного в его голову камня. Бросить камень могли с заросшего кустарником берега, когда Сергей приблизился к нему. Вариант более вероятный, так как классовая борьба тогда была в разгаре: у баев отнимали стада для мясосовхозов.

Похоронили Сергея на местном башкирском кладбище, но вскоре обнаружилось, что могила пуста, кто-то перезахоронил его в другое место, которое так и не было найдено. Это, конечно, тайно сделали местные жители, не захотевшие, чтобы рядом с прахом их предков лежал прах иноверца

Таким образом, где похоронен Сергей - неизвестно. Правда, на месте его гибели воздвигнута символическая могила. Вообще, в Башкирии отнеслись к памяти Сергея достаточно внимательно. В поселке Таналыкском и в парке райцентра Исянгулово установлены памятники Сергею Чекмареву, две улицы - в Уфе и в Салавате - поименованы его именем, в одной из школ г.Сибая организован музей, в котором отражена жизнь и деятельность Сергея Чекмарева. Сделано это все было, конечно, уже после выхода его книги, но существует и по сей день.

Как и многие поэты, Сергей сам предсказал вид своей смерти. Еще когда он ездил по Уралу в бригаде студентов по ликвидации неграмотности среди крестьян, и от него долго не было писем, он написал родителям такое письмо:

Где я? Что со мной?

Открытки и письма
Как в воду канули,
А наше суровое
Время не терпит.
Его погубили
Кулацкие пули,
Его засосали
Уральские степи.

И снова молчанье
Под белую крышей.
Лишь кони проносятся
Ночью безвестной.
И что закричал он -
Никто не услышал,
И где похоронен он -
Неизвестно»

Товарищ! Не верь же
Вороньему карку.
Отбрось ворожей
Седые приметы.
Купи на Кузнецком
Уральскую карту,
Вглядись в разноцветные
Миллиметры.

Возьми прогляди
Оренбургскую ветку.
Ты видишь, к востоку
Написано: «Еткуль».
Написано: «Еткуль»,
Поставлена точка.

А сани несутся,
Скрипя полозьями,
И вьюга махнула мне
Белым платочком, -
Мы стали тут с нею
Большими друзьями.

Так и получилось: «И что закричал он, никто не услышал, и где похоронен он – неизвестно».

Трагическая смерть. Но вот grimасы жизни: много лет спустя, выяснилось, что камень, брошенный в голову Сергея, оказался как бы камнем – избавителем. Когда в 1961 году журналист Ильичёва Стелла Ильинична поехала в Башкирию «по следам Сергея Чекмарёва», она обнаружила в архивах Башкирского МВД (в период хрущевской оттепели это уже оказалось возможным) легенду, составленную на Сергея. Легендой в органах обычно называют заранее составленную выдуманную версию о вредительстве, подтверждение которой уже затем выколачивают из арестованного.

А так как Сергей, конечно, не подписал бы никакой легенды, ему предстояли костоломные пытки. А так - мгновенная смерть. А мгновенная смерть - лучшая из смертей, как в комсомольской прощальной песне: «если смерти, то мгновенной, если раны - небольшой».

Вот - все о Сергее Чекмареве.

Примечания:

Изменения и дополнения в стихах Сергея, внесенные мною здесь против печатного текста книг, сделаны в точном соответствии с подлинниками его стихов, которые при издании были неудачно изменены редакторами.

Подлинники стихов, писем и дневников Сергея Чекмарева находятся в архиве издательства «Молодая гвардия», которое издало его первую книгу.

Анатолий Чекмарёв